

— Заказывать эксклюзивное внимание главного артиста — удовольствие не из дешевых, но если сравнить с тем, сколько он приносит, будучи свободным, — это сущие копейки. Неужели мы станем гнаться за малым, упуская главное? — рассуждала Хун Ли. — Он просто не принимает случайных гостей. А если кто-то желает встретиться с Чжуан Фэем, разве у нас есть повод отказывать?

Девушка-служанка лишь охнула, в одно мгновение осознав, сколь глубоки и опасны воды этого места.

В Павильоне Хуакуй жить в одиночестве не полагалось. Поэтому, едва Чжуан Фэй успевал забыться сном, как его поднимали слуги, помогали умыться, облачали в роскошные наряды, подходящие главному артисту, и препровождали в его личные покои — Павильон Фэйюань.

По сути, право на отдельный павильон было частью привилегий артиста. Убранство и комфорт здесь ничем не уступали домам знатных вельмож, но это место служило лишь для приема гостей. В обычное время, кроме самого Чжуан Фэя и прислуги, занимающейся уборкой, сюда никто не смел заходить.

Устройство Павильона Инъюэ Чанфэн было строгим и иерархичным: главный артист жил в отдельном домике, ведущие исполнители — в общих дворах соответствующего уровня, а рядовые куртизанки ютились в стандартных рядах комнат. Условия там были лучше, чем у рабов, но не более того.

Для приема гостей существовали строго отведенные места. Принимать посетителей в собственных покоях запрещалось — это считалось непристойным.

В заведении строго следили за тем, чтобы между артистами не возникало тайных связей. Тех, кого уличали в подобном, ждало суровое наказание, вплоть до смерти. Однако на легкие интрижки среди рядовых куртизанок смотрели сквозь пальцы, пока это не переходило границы дозволенного. Малейший проступок мог стоить жизни.

Управлять домом мужского куртизанства куда сложнее, чем обычным борделем, но Хун Ли удалось сделать Павильон Инъюэ Чанфэн одним из трех лучших, и он даже начал претендовать на первенство. Это доказывало её железную хватку. Она управляла заведением безупречно, сочетая строгость с возможностью для артистов хоть немного вздохнуть, так что никто не смел и не хотел бунтовать.

Ци Цзин зашел слишком далеко, и Чжуан Фэй был совершенно обессилен, а его тело — изранено. Отдохнув три дня, он принял своего первого настоящего гостя. Тот оказался богатым купцом средних лет с добродушным лицом. Он пригласил Чжуан Фэя на чаепитие и остался так доволен приемом, что при уходе не скупился на похвалы и щедрые дары.

Вслед за ним потянулись и другие. Чжуан Фэй отвечал каждому с безупречной вежливостью. Его движения, полные грации, пленяли сильнее, чем танцы знаменитых куртизанок, а имя его стало широко известно. Вскоре его начали называть неземным созданием. Пошли слухи: если

не увидишь Чжуан Фэя, считай, зря прожил жизнь, а увидев его утром, можно спокойно умереть вечером. Те, кому посчастливилось встретить его во время прогулки, считали себя счастливыми и, пересказывая эти слова, старались подобрать самые возвышенные эпитеты. Неграмотные просто называли его небожителем. Слава Чжуан Фэя превзошла успех всех его предшественников, и вряд ли кто-то в будущем сможет достичь таких высот.

Хун Ли сияла от радости. Доходы, которые приносил Чжуан Фэй, заставляли её улыбаться до ушей. К тому же он был поразительно послушен. Конечно, случалось, что он в гневе порывался уйти, но Хун Ли считала это естественным. Поначалу она боялась, что его характер слишком мягок, чтобы гости могли по-настоящему оценить его, но теперь успокоилась. Умение с достоинством отказать гостю, который после этого лишь сильнее жаждал новой встречи и не жалел денег на подарки — вот признак истинного артиста.

Чжуан Фэй был рожден для этой роли.

Поэтому его содержание становилось все более роскошным. Конечно, он не мог пользоваться императорскими вещами, но по богатству его быт не уступал покоям принцесс.

Принуждение — худший способ удержать человека. Чжуан Фэй был понятлив и знал, когда нужно уступить. Хун Ли охотно возносила его на пьедестал. Чем громче становилось его имя, тем выше были доходы Павильона Чанфэн, тем ярче сияла их вывеска. Почему бы не окружить его заботой, чтобы он работал с еще большим усердием?

В такой обстановке Чжуан Фэй решил, что момент настал. Он облачился в лунно-белые одежды, взял с собой лишь двух слуг и направился к Павильону Дождя и Снега.

Хун Ли уже не была так насторожена. Настало время навестить Чжуан Цинхуна. Пусть Хун Ли знает, что её артист помнит своего прежнего господина. Человек, ценящий верность, куда более предсказуем.

А двое слуг рядом — это, по сути, глаза Хун Ли. И пусть смотрят.

Чжуан Фэй проходил через Сад слив. Сейчас как раз было время цветения, и тонкий аромат пьянил. Чжуан Фэй прищурился и глубоко вдохнул. Двое слуг семенили сзади, боясь поднять глаз. Идущий впереди человек был прекрасен, но за этой красотой скрывалась бездна — любовь здесь была эшафотом.

Другие завидовали этому артисту: самый красивый, с кротким нравом. Служить такому — сплошное удовольствие. Но они не понимали, что эта слава обжигает. Стоит лишь неосторожно влюбиться — и пропадешь навсегда. Поэтому слуги нынешнего артиста были самыми дисциплинированными: как бы ни кичились они собой перед чужаками, в присутствии Чжуан Фэя всегда опускали головы. Не видишь — не знаешь, не знаешь — не заболит.

В саду мужчина, под руку с которым шел яркий, броский юноша, на мгновение замер, увидев

проходящего мимо Чжуан Фэя. В глазах его спутника на миг мелькнула зависть, но никто этого не заметил. Всего лишь низкий слуга, а теперь вон как загордился.

Мужчина с многозначительной улыбкой спросил спутника:

— Чжу Чжу, твоя красота по сравнению с ним — сущая тень.

Чжу Чжу опустил взгляд, усмехнувшись:

— Князь Дин прав. Артист — гордость нашего Павильона Чанфэн, мне с ним не тягаться. Всех их растят с великим тщанием, но этот...

В его голосе сквозило пренебрежение.

Ци Си притворно удивленно приподнял брови:

— О? Неужели здесь есть какая-то тайна?

Чжу Чжу подавил радость, полагая, что незаметно очернил Чжуан Фэя в глазах Ци Си. Но он не заметил, что в глазах князя не было ни презрения, ни отвращения — лишь жадный интерес, такой же, как у него самого.

Долго не удавалось встретиться, а тут такая случайность. Чжуан Фэй, это ведь судьба, не правда ли?

Чжуан Фэй вскоре подошел к Павильону Дождя и Снега. По сравнению с тем, каким роскошным он был несколько месяцев назад, сейчас здесь царил запустение, даже легкий дух упадка, а двери были плотно закрыты. Чжуан Фэй опустился на колени прямо у входа, как и несколько месяцев назад, и с твердым выражением лица поклонился до земли. Как бы ни менялись его статус, время и место, он, Чжуан Фэй, навеки останется слугой господина. Он рожден для него и за него готов умереть.

— Господин, ваш недостойный слуга Чжуан Фэй пришел засвидетельствовать почтение.

Деревянные створки с силой распахнулись, и Чжуан Цинхун, которого он не видел больше месяца, снова предстал перед ним.

В тот момент, когда Чжуан Фэй услышал шум, он отвел взгляд. После поклона слуга помог ему подняться. Чжуан Фэй почувствовал, как к глазам подступили горячие слезы, но он сдержался и спокойно поклонился Чжуан Цинхуну в пояс.

Еще несколько месяцев назад они сидели в кабинете, наслаждаясь тишиной: один читал,

другой поправлял. Теперь же все стало иначе.

Чжуан Цинхун, глядя на Чжуан Фэя, почувствовал, как сжалось сердце, но заставил себя сохранить ледяное выражение лица. Спустя долгое время он тяжело вздохнул и произнес:

— Чжуан Фэй, входи.

Как же он хотел заключить его в объятия, выслушать все его обиды, рассказать, как сильно скучал! Но на деле он не мог даже сказать: Ты наконец пришел. Не мог даже коснуться его руки.

В лучшем случае — разыграть сцену радужного приема старым хозяином бывшего слуги, пригласив его в дом выпить чаю.

— Чжуан Фэй не смеет беспокоить господина...

Он не договорил, заметив, как нахмурился Чжуан Цинхун, и, смутившись, последовал за ним в дом. Двух слуг он оставил снаружи. Теперь его статус был иным, он не мог вести себя как прежде, чтобы не вызвать сплетен и пренебрежения.

Прежний поклон был высшим проявлением уважения. Чжуан Фэй сел рядом с Чжуан Цинхуном, выглядя обеспокоенным, сцепив руки в замок, не зная, с чего начать.

Люди древности... они ведь придают этому такое значение. Он стал куртизаном, и пусть даже он главный артист, клеймо низкого происхождения не смыть. Хотя он и пожертвовал собой ради спасения Чжуан Цинхуна, и тот внешне, конечно, должен быть благодарен, Чжуан Фэй опасался, что у господина возникнет внутренний барьер.

Тем более теперь, когда его положение стало особым и он обрел полезность. Сам он лишь мелкая пешка, но после того, как Ци Цзин нанес Чжуан Цинхуну такой удар, Чжуан Фэй не верил, что тот так легко смиритесь. Он наверняка готовит план, и Чжуан Фэй, будучи артистом, сделает все, чтобы предоставить ему любые возможности.

Чжуан Цинхун чувствовал одновременно и радость, и горечь.

Он слегка похлопал Чжуан Фэя по руке, и, увидев, как тот с изумлением поднял глаза, смягчился:

— Чжуан Фэй, тебе пришлось нелегко.

Хун Ли от него отказалась, возненавидела, и лишь благодаря просьбе Чжуан Фэя он смог остаться в Павильоне Дождя и Снега и спокойно прожить этот месяц.

Он не голодал, спал спокойно, и порой Чжуан Цинхуну казалось, что у него каменное сердце. Но он не мог поступить иначе, ведь все это было куплено ценой самого дорогого, что было у Чжуан Фэя.

— Чжуан Фэю не тяжело. Я счастлив, что могу помочь господину, — Чжуан Фэй опустил голову и отвел взгляд, чтобы Чжуан Цинхун не увидел слез в его глазах и дрожащих рук.

— Чжуан Фэй... спасибо тебе. Правда, — Чжуан Цинхун тяжело вздохнул и добавил с ноткой восхищения: — Ты сейчас так прекрасен.

Чжуан Фэй опешил, и Чжуан Цинхун, подняв руку, погладил его по волосам:

— Теперь ты самый красивый и желанный артист Великой Чжоу. Люди бросают тысячи золотых, среди них князья и таланты, некоторые едут за тысячи ли в столицу лишь ради того, чтобы взглянуть на тебя. Ты стал так хорош, твое сияние, возможно, не под силу затмить мне или кому-либо другому... Но что бы ни случилось, в моем сердце ты всегда останешься прежним Чжуан Фэем. Моим Чжуан Фэем.

Последние слова он не произнес вслух. Но даже того, что было сказано, хватило, чтобы щекам Чжуан Фэя покатались горячие слезы. Чжуан Цинхун вытер их, и в этот миг все, что разделяло их — месяц разлуки, смена статуса, душевные терзания, — исчезло без следа.

Психологических барьеров нет, и это хорошо. Чжуан Фэй наконец просиял и торжественно произнес:

— Господин тоже остался прежним. Навсегда.

Они беседовали с удовольствием, и в воздухе разливалось тепло. Через полчаса Чжуан Фэй поднялся, чтобы уйти. Чжуан Цинхун проводил его до дверей, ведя себя в точности так, как того требовала легенда, придуманная Хун Ли: как наставник со своим учеником, без единого изъяна. А Чжуан Фэй всегда был близок к Чжуан Цинхуну и уважал его. Кто бы мог подумать, что оба они...

Так прошло еще некоторое время. Чжуан Фэй каждый день выкраивал время, чтобы прийти к нему, обсудить классические книги или искусство. Теперь их общение напоминало прежние отношения Ци Цина и Чжуан Цинхуна, с той лишь разницей, что Чжуан Фэй всегда сохранял глубокое уважение, в отличие от Ци Цина, который то и дело норовил воспользоваться ситуацией.

Все было открыто, и Хун Ли, поначалу следившая за ними, убедилась, что Чжуан Фэй верен ей больше прежнего: пока он хорошо относится к Чжуан Цинхуну, он будет стараться ради дела.

Хотя за ним все еще присматривали, контроль стал куда слабее.

Ци Цзин приходил еще дважды, каждый раз одаривая Чжуан Фэя диковинками. Чжуан Фэй принимал дары, но оба раза не оставался в Павильоне Хуакуй, и Ци Цзин не сердился. Он ведь заказывал павильон, но раз Чжуан Фэй не остался с ним, то и с другими не оставался, верно?

Прошло почти два месяца, и Ци Цзин снова заказал Павильон Хуакуй. Высокий стол в боковой зале был уставлен сокровищами, в комнатах рядом с опочивальней ждали изысканные яства. Хун Ли заранее прислала за Чжуан Фэем, и тот, нарядившись, не спеша отправился к гостю.

В ту ночь в Павильоне Хуакуй зажглись огни.

И снова: один взгляд — и рождается нежность, ночь напролет — сплетение теней.

На рассвете золотистый луч пробился сквозь бумажное окно и лег на гладкое шелковое одеяло.

Ци Цзин открыл глаза, ощущая тепло в объятиях и нежную, гладкую кожу под пальцами. Он оделся и, сидя на краю кровати, с улыбкой на губах намотал на палец прядь черных волос, любуясь спящим лицом.

Чжуан Фэй открыл глаза и встретился с улыбающимся взглядом Ци Цзина. Он дважды моргнул и, не обращая внимания на его насмешки, опираясь на руки, сел.

— Три тысячи прядей шелка, красота, не знающая равных. Легкая, кокетливая улыбка, и ради одного человека — склоненный стан. — В глазах Ци Цзина мелькнуло восхищение, он наклонился, оставил поцелуй на губах Чжуан Фэя и в отличном настроении вышел.

Из поместья Князя Цзинь прислали еще одну награду. Хун Ли сияла: разве кто-то может сравниться с её артистом, чья красота затмила весь мир? Даже если в следующем году в Башне Биси выберут новую звезду, она будет лишь песчинкой по сравнению с ним.

Хун Ли стала еще довольнее и решила, что стоит относиться к Чжуан Фэю мягче.

Из денег, которые давали гости, артист получал лишь полпроцента, и то на личные расходы. Остальное распоряжалась Хун Ли, при этом тридцать процентов шло на пополнение гардероба артиста. А подарки в виде шелков и драгоценностей артист мог хранить у себя, но дарить или продавать их строго запрещалось.

Поэтому артист никогда не мог сам себя выкупить: денег у него было мало, а чем больше он зарабатывал, тем выше становилась его цена. Это было похоже на ростовщичество: сумма в руках росла, но цена выкупа уходила в бесконечную даль.

Чжуан Фэй, сопровождаемый слугами, вернулся в Павильон Фэйюань. Сегодня он не пошел к Чжуан Цинхуну. Оба они молчаливо договорились не касаться темы того, что происходило в такие дни.

Три дня спустя в Павильон Инъюэ Чанфэн прибыл гость с необычайной щедростью, чей статус ничуть не уступал Ци Цзину, а в чем-то даже превосходил его.

Он заказал Павильон Хуакуй, пригласил лучшую труппу артистов столицы и потратил огромные деньги на набор украшений из первоклассного нефрита: заколки, корона, налобная повязка, подвески, перстни, пояс, нефритовые подвески, браслеты на щиколотки — все это стоило целое состояние. К тому же он заказал роскошный наряд у знаменитого мастера, над которым десятки искусных портных и вышивальщиц трудились ночи напролет больше месяца. С этими дарами, способными покорить любую душу на Цветочном проспекте, он сидел в боковой комнате и ждал Чжуан Фэя.

Чжуан Фэй как раз весело проводил время с Чжуан Цинхуном, когда прибежал слуга с известием. Улыбка Чжуан Фэя погасла, он кивнул, бросил взгляд на Чжуан Цинхуна и вышел. Чжуан Цинхун опустил глаза. Вкус пирожного со сливой все еще ощущался во рту, но теперь он казался горьким.

Пока он не перестал видеть спину Чжуан Фэя, Чжуан Цинхун держал руки за спиной. В его тонких, красивых пальцах было зажато надкушенное пирожное — то самое, которое пробовал Чжуан Фэй, и край его казался еще влажным. Чжуан Цинхун с бесстрастным лицом прижал пирожное к губам, глядя вдаль.

Скоро, Чжуан Фэй, уже скоро. Чжуан Фэй, ты обязательно должен дождаться меня.

Слуга подробно описал ситуацию. Чжуан Фэй подумал, вернулся в комнату и переоделся. Его обычный наряд был хорош, но недостаточно роскошен для такого знатного гостя, как Князь Дин. Он предстанет в своем самом прекрасном виде, чтобы Хун Ли была спокойна.

Князь Дин был единственным оставшимся в живых удельным князем Великой Чжоу. Его земли находились на побережье Восточного моря, и там его власть была даже выше императорской.

Он был родным младшим братом покойного императора, младше его на тридцать лет. При рождении он был слаб, и врачи пророчили ему бездетность. Несмотря на разницу в возрасте, братья были очень близки. Когда старший взошел на престол, он, жалея младшего брата, во время борьбы за трон между своими сыновьями просто пожаловал ему титул удельного князя, чтобы тот жил в свое удовольствие и не оказался втянут в распри, а заодно чтобы не возникло ненужных амбиций.

Но Князь Дин оправдал свой титул. Он был мудр и знал, когда нужно уйти в тень. Увидев, как обострилась обстановка при дворе, он, еще будучи юношей, сражался бок о бок с лучшими генералами императора, разгромил варваров на северо-западе, расширил границы Чжоу и благодаря этим заслугам получил свой удел, удалившись от водоворота борьбы за власть. Он был храбр и умен. Поскольку наследников у него не было, после его смерти земли могли вернуться к казне без особого ущерба.

Теперь, когда в стране царил мир, знаменитый князь уже десять лет наслаждался покоем. За эти годы он не совершил ничего выдающегося, и о нем забыли.

Важнее было другое: этот Князь Дин должен был появиться лишь через год, влюбиться в Чжуан Цинхуна с первого взгляда... А теперь он тратит огромные деньги на него, Чжуан Фэя. Кто знает...

Пока он размышлял, слуга закончил облачать его в роскошный наряд. Чжуан Фэй посмотрел в зеркало, удовлетворенно кивнул и, опираясь на руку слуги, не спеша направился к гостю.

Слугам нельзя было входить внутрь. Чжуан Фэй сам толкнул дверь и вошел, не заметив человека, стоявшего у входа на коленях. В его узких глазах промелькнули зависть и злорадство.

Чжу Чжу опустил голову, улыбнувшись: Ну что, низкий раб, теперь ты доволен? Надеюсь, ты останешься таким же спокойным и через минуту!

В боковой комнате не было столов на высоких ножках — только низкие, и люди сидели на циновках. Чжуан Фэй после поклона сел напротив Ци Си.

— Чжуан Фэй опоздал, надеюсь, господин не в обиде.

Ци Си, увидев его, просиял и кивнул:

— Разумеется, нет. Ради улыбки красавца стоит и подождать, не так ли? — Он лично открыл ларец, показывая Чжуан Фэю бесценные украшения. — Надеюсь, это придется тебе по вкусу, пополнит твою шкатулку и заставит тебя улыбнуться?

Чжуан Фэй усмехнулся про себя. Нужно признать, дядя и племянник, Ци Цзин и Ци Си, действительно одна кровь. У них одни мысли: неужели они думают, что в Обители забвения все принимают гостей по доброй воле, и стоит лишь одарить человека побрякушками, как он тут же проникнется симпатией или даже любовью?

Ци Си был красив, от него исходила уверенность, подобная силе тигра. Возможно, десять лет покоя смягчили его. С четырнадцати лет он скакал по полям сражений, а потом стал местным императором. Ума ему было не занимать, но он не любил притворства, предпочитая прямоту... В его взгляде, конечно, было восхищение, но сквозила и легкая небрежность, которую он даже не скрывал.

Чжуан Фэй поджал губы, поднял глаза на Ци Си и слегка поклонился:

— Не достоин я похвалы господина. Дар слишком щедр, Чжуан Фэй не смеет принять его.

Ци Си приподнял бровь:

— О? Неужели единственное, что ты можешь показать, — это шкатулка?

<http://bllate.org/book/21679/2236334>